Уже М. Вентрис и Дж. Чедвик допускали и другое объяснение: -e они рассматривали как окончание и.-е. датива -ei, а -i как исконно локативное окончание i. Такая интерпретация [15, с. 85] в свете высказанных выше соображений представляется нам единственно возможной. Следует полагать, что процесс слияния дательного и местного падежей завершился незадолго до написания дошедших до нас надписей и ни одна из двух параллельных форм еще не была вытеснена другой. Таким образом, дешифровка крито-микенских надписей подтвердила правильность толкования кипрских и аттических форм на -ει (см. выше) как реликтов исконного и.-е. датива. Для индоевропеистики ценность крито-микенских надписей состоит, в частности, в том, что они решили старый спор об исконном окончании датива (-ei или -ai) в пользу -ei.

По аналогии с атематическими основами можно предположить, что у основ на -o-/-e- еще чередовались дативное -ōi и локативное -oi. Дополнительное распределение дативного -ωι и локативного -oi между диалектами классической эпохи также дает нам основания предполагать, что в микенском диалекте эти окончания могли свободно варьировать. Правда, микенская графика не позволяет установить, с каким окончанием мы имеем дело в каждом конкретном случае. Однако отметим, что несколько имен тематического склонения встречаются в этом падеже с окончанием -e, которое может интерпретироваться лишь как локативное -ei, например di-da-ka-re = didaskalei «учителю» (класс. διδάσκαλος). Это дает возможность предположить, что и его апофонический вариант -oi также выступал в этом падеже наряду с дативным -ōi.

Примечательным является и то, что в языке надписей обнаружены формы местного с нулевой флексией, употребленные как в локативной, так и в дативной функциях. Впервые на две такие формы от собственных имен на -ευς обратил внимание М. Дориа [16, с. 66—73]: o-re-mo-a-ke-re-u (в дативной функции) и ra-ke-u (после предлога pa-ro, класс. παρά, т. е. в локативной функции). Нами были отмечены еще три такие формы тоже в локативном значении: топоним pu_2-ra-a-ke-re-u Nn 228 (в синтаксическом гнезде из 9 топонимов) и собственные имена tu-ru-we-u Cn 254 и ke-ro-u-te-u Cn 600 после предлога pa-ro [17, с. 6—7]. Еще большее число примеров приведено в статье Р. А. Сантиаго [18]. Наиболее убедительными являются примеры с предлогом pa-ro, так как здесь невозможна никакая другая интерпретация.

Нами обнаружены такие же формы и у других основ [17, с. 7—8]. У основ на -es-/-os- такую интерпретацию допускают стоящие по смыслу в дательном падеже имена божеств a-re Fp 14, pa-de Fp 1-13 (ср. нормальную форму дательного-местного падежа pa-de-i F 953) и собственное имя pu_2-ke Ge 604 (ср. именительный падеж pu_2-ke Ge 605 и родительный падеж pu-ke-o Ge 603). В локативной функции засвидетельствованы топоним 56-ko-we, выступающий в кносских надписях параллельно нормальным формам дательного — местного падежа 56-ko-we-e и 56-ko-we-i, а также форма za-we-te < * kia-wetes «в этом году» (ср. дорийское σᾶτες и аттическое τῆτες). В надписи On 300 трижды употреблена форма ko-re-te (название должностного лица с основой на -r-). Параллельно этой форме в том же списке стоит нормальная форма дательного-местного падежа того же существительного ko-re-te-ri и других существительных. Возможной формой дательного-местного с нулевой флексией от существительного с основой на -u является e-ri-nu (класс. Ἐρινύς «Эриния»), выступающее параллельно нормальной форме этого падежа e-ri-nu-we.

Существенным отличием приведенных выше микенских форм от рудиментов местного с нулевым окончанием в языке классического периода является их употребление как дублетной формы дательного-местного падежа во всех его основных значениях. С исторической точки зрения такие формы представляют собой реликты древнейшего дофлективного состояния. Греческий местный сохранил их для некоторых основ, а после слия-